

Чжан Синци почувствовал, как по спине пробежал холодок от пристального взгляда Тан Саня. Он невольно повел ухом и, потянувшись рукой к затылку, пригладил вставшие дыбом волосы.

Что с ним такое? Почему у него такой тошнотворный взгляд? — подумал он с нескрываемой неприязнью.

Взгляд юноши в маске был слишком красноречив. Тан Сань осознал, что немного потерял самообладание, и, чтобы сгладить неловкость, слегка улыбнулся, протягивая Чжан Синци книгу.

— Это древний манускрипт по фармакологии, который я взял у учителя. Листая его, я наткнулся на описание двух трав, свойства которых крайне схожи, но действие их прямо противоположно.

— Взгляни.

Несмотря на скептическое отношение к Тан Саню, к знаниям Чжан Синци относился с неизменной серьезностью. Он взял книгу и принялся внимательно изучать страницы, на которые указывал палец собеседника.

Тан Сань, понаблюдав за тем, как Чжан Синци погрузился в чтение, отвел взгляд и мысленно повторил свой недавний вопрос.

Легкопламенный абрикос и Восьмиугольная ледяная трава.

Два растения: одно растет в местах нестерпимого жара, другое — в краях, где холод пробирает до костей. Называть их просто травами было бы ошибкой — это настоящие бессмертные растения, две легендарные ядовитые сущности, чьи имена гремели в Списке великих сокровищ.

В своей прошлой жизни Тан Сань слышал о них, но никогда не видел вживую. Он считал их лишь красивой легендой, кто бы мог подумать, что он встретит упоминание о них в книге этого мира, а спустя столетия — сможет увидеть их своими глазами.

Секта Тан славилась своим мастерством создания скрытого оружия и ядов. Как мог Тан Сань, столкнувшись с такими редкими токсинами, не почувствовать трепет?

Впрочем, это пока лишь мысли на будущее. Сейчас Тан Сань был взбудоражен лишь тем, что увидел то, о чем слышал в прошлой жизни. У него не было одержимого желания заполучить их во что бы то ни стало, просто...

Просто ему было безумно любопытно: неужели вещи из того мира действительно существуют в этом? Есть ли между двумя мирами какая-то связь? И почему он, прыгнув с пика Смертельной печали, переродился именно в этого Тан Саня?

— Сейчас тебе это знать не нужно.

Резкий голос Чжан Синци прервал раздумья Тан Саня. Тот вздрогнул и посмотрел на собеседника, который хмурился, глядя на него с нескрываемым раздражением и даже некоторой строгостью.

Увидев растерянность Тан Саня, Чжан Синци указал на обложку книги:

— Учитель сам дал тебе эту книгу?

Вопрос прозвучал странно. Сяо У, дремавшая на другом конце стола, лениво приоткрыла один глаз, прислушиваясь к разговору. Тан Сань быстро нашелся, что ответить, и кивнул:

— Я увидел её случайно. Когда спросил учителя, он разрешил взять почитать, сказав, что если возникнут вопросы, я могу обратиться к старшим.

— ...Учитель и правда высокого о тебе мнения, — пробормотал Чжан Синци, захлопнул книгу и пододвинул её обратно Тан Саню. — Но я повторю: это не тот материал, который тебе сейчас нужен.

Сказав это, он поднялся и направился к груде разбросанных книг. Ловко пробираясь между стопками, он после недолгого шуршания вытащил три или четыре тома и свалил их в руки Тан Саню.

— Учитель их конфисковал, так что сначала разберись с этим, а потом берись за ту книгу.

— Похоже, тебе нужно заложить фундамент. Я подобрал то, что тебе подходит. Короче говоря, у тебя пока нет квалификации, чтобы задавать вопросы о бессмертных растениях.

— Что за ерунда? Чтобы задать вопрос, нужна квалификация? — проворчала Сяо У.

Чжан Синци покачал головой:

— Это вопрос принципа. Лучше раньше начать учиться правильно. В конце концов, полно тех, кто, не имея способностей, грезит о несбыточном.

Сяо У не поняла сути, решив, что Чжан Синци просто придирается к Тан Саню, и уже приготовилась вступить за него. Но сам Тан Сань, которого эти слова задели за живое, всё понял и невольно улыбнулся.

— Старший прав. Я был слишком нетерпелив, забыв, что обучение, как и совершенствование, требует твердости и последовательности.

— Хм, хоть с мозгами у тебя всё в порядке, — хмыкнул Чжан Синци, явно довольный реакцией Тан Саня. — Так что ты там спрашивал?

— ...А? — теперь настала очередь Тан Саня удивляться. Он моргнул, глядя на Чжан Синци, и выглядел совершенно сбитым с толку.

— Как же вы надоели! То один говорит, то другой! — Сяо У окончательно проснулась, села, сложила руки на груди и недовольно уставилась на Чжан Синци.

Чжан Синци тоже скрестил руки на груди, задрал подбородок, отчего его лицо так и просило кирпича, хотя в уголках губ пряталась легкая усмешка — настроение у него было явно неплохое.

Дети, что с них взять? — подумали Тан Сань и Сяо У одновременно. Последняя закатила глаза, а первый решил не упускать возможности.

— ...Как можно нейтрализовать яд бессмертных растений? — спросил Тан Сань.

— ...Что? — Чжан Синци склонил голову набок. — Впервые вижу, чтобы кто-то задавался таким вопросом. Все остальные думают лишь о том, как довести яд до абсолюта, а ты...

— Ты хочешь подавить ядовитость бессмертного растения? Разве это легко? И зачем? Ты просто ребенок, который несет чепуху.

— Это сложно, но разве нет способа? — настаивал Тан Сань.

— ...Хм. Хотя я не понимаю, зачем тебе это нужно, способ, конечно, есть. — Чжан Синци прищурился, оглядывая Тан Саня, а затем снова перевел взгляд на книгу в руках.

— В Землях Десяти Пустошей, где не встретишь ни души, когда-то сражались великие империи. После того как государства пали, поля сражений никто не очистил, и земля была погребена под костями воинов.

— В этом месте, где жизнь была выжжена дотла, на костях выросли цветы, похожие на птиц. Весь склон был усеян ими, и никто не знал, что это, полагая, что они питаются духами павших воинов.

— Пока исследователи, вошедшие в Десять Пустошей, не принесли эти травы, которые прозвали зловещими.

— ...Похожи на птиц, растут на костях. Тысячелистная птица? — Тан Сань, которому описание показалось очень знакомым, выпалил название.

— Верно, — удовлетворенно кивнул Чжан Синци. — У Тысячелистной птицы четыре лепестка, желтый цвет, зеленая сердцевина и тонкие острые листья. Хорошее средство для заживления ран.

— А среди миллионов таких цветов, после долгих лет омовения лунным светом и накопления земной энергии, рождается единственная в своем роде Белая тысячелистная птица.

— Она относится к бессмертным растениям, и её целебные свойства куда выше. Она способна вернуть жизнь мертвому.

— Но у неё есть еще одна особенность.

— Обычные лекарства ослабляют действие яда, но Белая тысячелистная птица работает иначе. Её свойства не столько нейтрализуют, сколько поглощают и ассимилируют.

На этом моменте Чжан Синци замолчал, одарив Тан Саня загадочной улыбкой.

— Но если яд Белой тысячелистной птицы настолько властный, как же она может оживлять мертвых?

— Что значит жизнь? Что значит тело?...

— Я вернулся.

Грандмастер посмотрел на вошедшего Чжан Синци и едва заметно улыбнулся. Чжан Синци, одетый в дорожный костюм с собранными в хвост волосами, почтительно склонил голову:

— Учитель.

— Не нужно формальностей, присаживайся.

Чжан Синци сел, и Грандмастер заговорил:

— Слышал, вчера к тебе заходил Тан Сань?

Чжан Синци слегка замялся, но кивнул:

— Да.

— Это хорошо. Вам полезно общаться, Тан Саню придется тебя побеспокоить.

— Учитель, вы шутите. Я рад помочь, лишь бы не наделать глупостей и не помешать.

— В таких делах я могу довериться только тебе.

Слова Грандмастера заставили Чжан Синци смущенно почесать нос. Даже если учитель так говорит, он ведь просто ответил на пару вопросов Тан Саня. И вообще, он же в глубине души терпеть не может этого Тан Саня! Хватит его хвалить, а то лицо от стыда сгорит!

— Ты вернулся уже несколько дней назад, но мы еще не обсуждали, как прошли твои дела.

Грандмастер сел напротив, и разговор стал серьезнее. Чжан Синци выпрямился — это ощущение напоминало вызов на ковер к классному руководителю.

Для него это было делом обычным: учитель всегда интересовался его странствиями и при каждой встрече расспрашивал о них.

Он подробно рассказал, как его приглашали в секту Семь Сокровищ (разумеется, опустив историю с той самой принцессой, которая вечно сбегала), а потом поделился планами. Вероятно, он отдохнет в академии, а затем снова отправится в путь.

После этого Грандмастер спросил:

— А ты не задумывался о том, чтобы в будущем стать учителем?